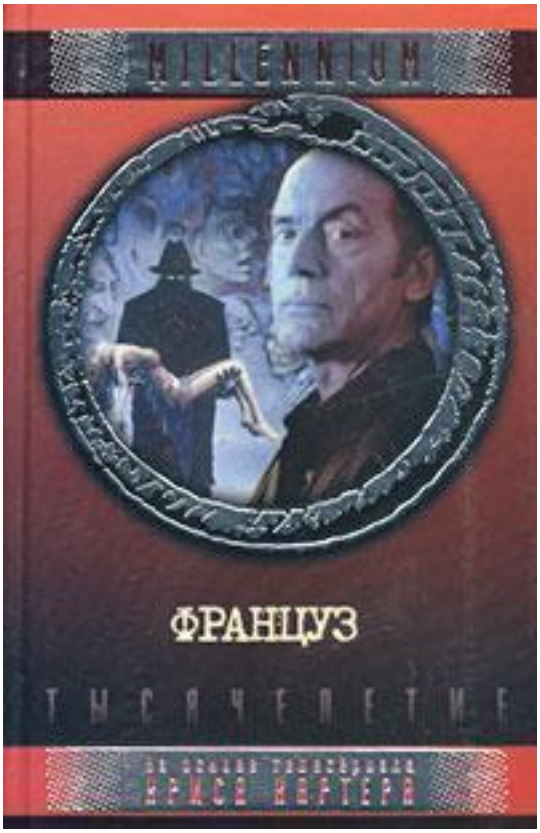
MILLENNIUM
ФРАНЦУЗ
ТИСЯЧЕЛЕТИЕ
ИРВИН ВОРТЕРА

Элизабет Хэнд

Француз

1997

Хэнд Э.

Француз / Э. Хэнд — 1997

Это – первое дело «Тысячелетия». Одержимостью идеей «спасти наш мир от порока» страдают многие безумцы и фанатики, и многие – слишком многие! – из них опасны. Но... преступник, который совершает убийство за убийством теперь, – не просто маньяк, но – человек, и вправду уверенный в своей Миссии. Миссии странной, страшной и – великой. Чтобы найти такого убийцу, Фрэнку Блэку придется понять его. Понять любой ценой...

© Хэнд Э., 1997

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 11
ГЛАВА 3 14
ГЛАВА 4 16
ГЛАВА 5 20
ГЛАВА 6 22
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Француз
(На основе телесериала Криса Картера "Тысячелетие")
Элизабет Хэнд

ПРОЛОГ

… Вначале была боль.

И дьявол сказал: это хорошо.

Сдавленные крики, тяжелое дыхание, багровые волны, плещущиеся у ног. И был день первый.

… Вначале был страх.

И дьявол сказал: пусть будет так.

Багровые волны накатывали, подбираясь все выше и выше – к пульсирующей опухоли в паху.

И был день второй…

Вначале был грех.

И дьявол сказал: пользуйтесь тем, что есть.

Прикосновения чьих-то губ и языка. Взрыв сознания. Горечь наслаждения.

И был день третий.

… Вначале была жажда.

И дьявол сказал: пей, пока не утолишь ее, пей до тех пор, пока во рту не появится привкус крови, желчи и меди.

И был день четвертый.

… Вначале была ненависть. И дьявол сказал: отпусти ее, ибо она обратная сторона любви, а любовь разрушает.

И был день пятый.

… Вначале был огонь. И дьявол сказал: да пожрет пламя всех невинных и праведных, грешников и блудниц… но ты останешься.

И был день шестой.

В день шестой кровь сочилась из глазниц. И хотя голос, который он слышал, всегда был его голосом, а крики – его криками, кровь принадлежала чужим.

Так всегда начиналось. Так всегда заканчивалось. Задыхаясь, он оставался на берегу скорби; прилив шел на убыль, смывая боль и страх, после – ничего не оставалось, кроме этого привкуса во рту и пятен крови на его ладонях.

Ничего, кроме жажды. Жажды смерти.

И тогда наступал День Седьмой.

ГЛАВА 1

Был день седьмой.

Воскресенье.

Час X.

Впрочем, размер этого часа гораздо точнее определяли яркие вывески удаленных кварталов города: XXL, XXXL. Латинская вязь неизменно пугала туристов и добропорядочных граждан, которые забредали сюда из чистого

Любопытства. Где еще, как не здесь, можно познакомиться с самыми злачными уголками Сиэтла. Но, как известно, любопытство кошку сгубило. И не одну. После визита в мир XXL счастливчики отделывались потерей двух-трех сотенных, другие – возвращались (если, конечно, возвращались вообще) с синяка

Ми и разбитыми скулами. Женщины теряли кое-что еще. Не все, разумеется, а те, кому в эти дни особо не везло.

Завсегдатаи – совсем другое дело. Они были свои. И прекрасно знали, что заявленные на табло буквы не значат ничего, кроме набора латинских буквиц. Нормальный размер, обычный. А если присмотреться внимательнее, то здесь все одинаковые. Девочки, мальчики – какая, по сути, разница, у всех одно и то же выражение лиц – жажда денег. Быстрых, легких, не обремененных моралью и совестью. Здесь всегда продавалось все, что только можно продать. С раннего детства аборигены усваивали немудреную истину: если есть спрос – значит, будут и предложения. Между прочим, хорошие предложения. Особенно в вечернее время суток.

Ночь в Сиэтле обостряет восприятие, обнажает чувственность. Алкоголь подогревает и без того разгоряченную плоть. Хочется… хочется всего и сразу. Что ж, черный мир XXL тебе это даст: только протяни руку. Пусть добропорядочные граждане спят в своих широких постелях и видят безвкусные сны, эта ночь не для них. Она – для изгоев. Для охотников. Для жертв.

Он стоял на противоположной стороне переулка, сгорбившись под ледяным февральским дождем. Влажный блеск фонарей без устали полировал асфальт, на котором, словно в старом зеркале, кривились размытые неоновые буквы. Пытаясь их сложить в слова, он перевел тяжелый взгляд на алую вывеску клуба:

"РУБИНОВЫЙ КОГО-ТОК"

ЖАРЧЕ НЕТ В СИЭТЛЕ

ЖИВЫЕ ДЕВОЧКИ ДО 2:00 НОЧИ

Слегка приоткрыв рот и прикусив нижнюю губу, он механически перечитывал мигающую надпись, словно она могла открыть неведомую до этого тайну. Великую истину. Эта истина была уже где-то рядом. Совсем рядом. Он чувствовал ее приближение, раздувая, словно гиена, толстые ноздри. На мокром лице застыла тупая маска вечного отвращения, будто судьба изо дня в день питала воспаленный мозг чем-то горьким и склизким. Настолько горьким, что сегодня чаша терпения наконец переполнилась.

Сейчас ему очень хотелось набраться смелости и войти в ветхое здание клуба. Уже целый час этот человек топтался в грязном переулке, наблюдая за потоком мужчин, желающих на себе попробовать знаменитый "рубиновый кого-ток". Кто-то с показной лихостью, кто-то, наоборот, воровато нырял в волнующую темноту, откуда легкими всплесками вырывались женские голоса. Однако покидали это заведение все одинаково: дверь равнодушно выплевывала мужские особи, растерявшие все свое достоинство. До последней капли. Ссутулившись, они виновато отступали в ночь. До следующего раза. Удовольствие здесь порционно.

Наконец он решился. Надвинул на лоб бейсбольную кепку, медленно пересек улицу и толкнул массивную железную дверь.

На него обрушилась лавина техномузыки. Мрачные звуки душной волной окутывали длинный темный коридор. Бешеный ритм, под стать треску отбойного молотка, бился в такт с пульсирующей кровью в висках. Женские визги, мужские стоны и тошнотворная вонь.

Едкий запах хлорки мешался с табачным дымом, заглушая едва уловимый флер дешевых духов. Чуть дальше, у самой кассы, примешивался острый, чуть кисловатый запах спермы. Из темноты статичными призраками проступали контуры дверей, окрашенных в красный и зеленый цвета. Пол заляпан подозрительными белыми кляксами, усыпан окурками и скомканными листовками фривольного содержания:

"ТИФФАНИ БРАЙТ: ПОЗВОНИ МНЕ! 24 ЧАСА В СУТКИ!!!",

"СУШИ ЧИФ: МЫ ОПРАВДЫВАЕМ ОЖИДАНИЯ".

На эти листовки покупались лишь юнцы. Секс по телефону теперь мало кого привлекал. Тем более кто даст гарантию, что на том конце провода не сидит древняя старушка, желающая заработать лишнюю пару баксов на гостинец внукам. Нет, мы хотим другого! Мы хотя бы желаем видеть и слышать, если уж нельзя потрогать.

Ах, вам нужны гарантии?

Да, нам нужны гарантии.

Что же, тогда добро пожаловать в "Рубиновый кого-ток". Платите в кассу, выбирайте кабинку, и вы получите та-а-акую гарантию!

***

Приглушенный стук – одна из дальних дверей открылась и спустя секунду захлопнулась.

Он разглядел молодую женщину с копной спутанных рыжих волос. Длинное кожаное пальто, черные сапоги, черная помада Настоящая королева автострады. Только без короля. Впрочем, временных претендентов на престол и тело пока хватало. По мере того как ее каблуки выбивали замысловатую дробь, одна за другой стали открываться другие двери. В течение нескольких секунд коридор заполнился мужчинами. Они молча выстроились в мрачную шеренгу, провожая эту яркую самку голодными взглядами. Казалось, еще чуть-чуть, и они набросятся на нее, желая урвать для себя самый лакомый кусок.

На мгновение мужчина в кепке тоже застыл, повинуясь мощному импульсу голодной толпы, но затем быстро развернулся и исчез за одной из зеленых дверей.

Тем временем рыжая пошла к выходу, сунув озябшие руки в карманы пальто. Остановившись у кассы, она демонстративно, но вежливо кивнула молодому человеку, сидевшему внутри импровизированной будки. Всяк будь вежлив с Сэмми, и тогда Сэмми тебе поможет. Сэмми – свой парень, но это только для СВОИХ. Проще говоря, для тех, кого он патронирует. Лучшие клиенты, хорошая реклама, приятная музыка, полная защита в стенах заведения. Сэмми, да кто ж его не знает! К девушкам не пристает, извращенцев не любит. Впрочем, кто любит извращенцев? Назови! Нет ответа. Лишь хлопанье дверей.

Сквозняк. Тишина. Извращенцев никто не любит.

Рыжая королева предупредительно улыбнулась:

– Я пошла.

Сэмми засунул еще одну стопку двадцатипятицентовых монеток-квотеров в ящик кассы и только тогда поднял голову:

– Ага.

Прищурился, наблюдая, как она гибко проскользнула в дверь, слегка придержав ее для стройной блондинки в мокрой дешевой куртке и узких джинсах.

Столпившиеся вокруг кассы клиенты синхронно выдохнули восхищенное: "О!" Такие девушки даже в непогоду должны ходить в неглиже. Здесь есть на что посмотреть, здесь есть что потрогать, здесь есть за что заплатить.

– Привет, Вторник, – улыбнулся Сэмми, смущенно теребя эспаньолку, которую он старательно отращивал вот уже две недели.

– Как дела?

Девушка с забавным, если не сказать претенциозным, именем Вторник равнодушно пожала плечами.

– Как тебе сказать? Вот, пришла.

– Отлично. Для тебя уже есть работенка. – Сэмми повернулся на стуле к подошедшему клиенту. – Быстро переодевайся. Увидимся позже.

С нарочитой надменностью Вторник прошествовала по коридору, специально задевая локтями мужчин, останавливающихся, чтобы взглянуть на нее. Миновав голодные взгляды и потные руки, она распахнула дверь раздевалки.

Ее встретили сизое облако дыма и звуки песенки про "когти длиной в девять дюймов", доносившиеся из-за двери, ведущей на сцену. Пара обшарпанных диванов. Стены заклеены пожелтевшими музыкальными плакатами и листовками платного медицинского центра "Пуже Саунд". Стриптиз стриптизом, но иногда приходится решать и маленькие женские проблемы.

Все как всегда. Три танцовщицы в "рабочей одежде". Тиффани в кожаном бюстгальтере и кожаных шортах; Янтарь Ли в розовом кукольном платьице, под которым только она сама; малютка Бобо в свободных брюках с разрезами и лифчике из черного атласа.

Девочки уже отработали свою смену и теперь с удовольствием валялись на диванах, курили дешевые сигареты и листали свежие журналы, принесенные Сэмми.

Вторник подошла к вешалке с одеждой и брезгливо дотронулась до своего костюма. После сырой промозглой улицы хотелось нырнуть в теплую пижаму, натянуть шерстяные носки и забраться в постель. Вместо этого – пропахшие потом тряпочки. Кто сказал, что они могут вызвать желание? Прилив похоти – да. Но желание… увольте. Ничего, кроме отвращения, по мнению Вторник, эти эротические костюмы не вызывали. Однако у хозяев "коготка" были свои представления о рабочей одежде. Ее оптом закупали в ближайшем секс-шопе, а потом уже подгоняли по размеру. Нередко во время выступления застежки или лямки лопались, словно гнилая бечевка. Зрители, правда, воспринимали это как хорошо исполненный трюк.

Девицы тем временем соизволили оторваться от глянцевых журналов.

– Привет, Торни.

– Тут есть немного кофе, я только что сварила. Выпей, чтобы согреться.

– Как твоя машина?

Вторник благодарно отхлебнула глоток черной бурды и начала стаскивать свитер с блеклым узором.

– Спасибо, девочки. В машине была какая-то неполадка, механик ее уже устранил, и обошлось это всего в сорок баксов. Слава богу, иначе меня бы в конце месяца турнули с квартиры. Я и так всем задолжала.

Позади нее распахнулась дверь, ведущая на сцену, и в комнату вбежала стройная пикантная блондинка в красном бикини. Лицо влажное, золотистые пряди волос прилипли ко лбу. Тушь слегка потекла.

– Как дела, Пандемия? – с улыбкой приветствовала ее Вторник Больше всех она симпатизировала именно ей.

– Нормально, мой кошмар продолжается! – шутливо бросила через плечо та и поспешила к телефонному автомату, висевшему на противоположной стене, вкривь и вкось исписанной телефонными номерами – Хочу убедиться, что няня еще не ушла, а то два дня назад я вернулась с работы и обнаружила, что Сюзанна одна. Представляешь? Оставить ребенка одного. В этом квартале…

Она нервно сунула монету в щель автомата и в ожидании устало прислонилась к стене. Отбросила с лица длинные волосы и, вспомнив, поморщилась:

– Кстати, Вторник, – наш таинственный Француз снова здесь.

Девушка по имени Вторник сменила скромный белый лифчик на более вызывающий, бордовый, с открытыми чашечками, окаймленными черным кружевом.

– Парень со стихами?

– Ага, он. И потом… О, привет, моя радость, это мамочка! Ты еще не спишь? Синди с тобой? Я могу с ней поговорить? Конечно, жду…

Вторник медленно стягивала с себя узкие джинсы. Ей очень хотелось дослушать этот ночной разговор до конца, разговор, напоминавший о прошлой жизни. Семье, родных, близких. Девочки не очень любят о себе рассказывать. Пришла – оттанцевала – ушла. Придешь ли еще, неизвестно. Кто ты, как тебя зовут, это неважно. Долгосрочных контрактов в таком бизнесе не бывает.

Здесь нет настоящих имен. Есть только прозвища. Она, к примеру, Вторник. Почему Вторник? Да потому, что именно этот день недели стал самым черным в ее жизни. Во вторник пришлось выбирать – либо бескорыстно сдохнуть в ближайшей канаве, либо торговать собственным телом. Тогда она и встретила Сэмми. Тот отмыл, обогрел, лап не тянул. Вечером привел сюда. Живи. Работай.

Первый испуг прошел сразу. Не проститутка, стриптизерша. Телом торгует на расстоянии. Уже легче. Да и не торговля, а всего лишь грязные танцы. Несколько па – влево, несколько па – вправо. Белье – на пол, ты – на выход. Все – можно отдохнуть. Между тобой и клиентами – стекло. Стекло – гарант того, что с тобой ничего не случится. Правда, очень хрупкий гарант.

Всякое бывало. Попадались сумасшедшие. Вон год назад девочку кислотой облили на выходе – переспать отказалась. А он возьми ii обидься. Ему-то что, не поймали, а она через месяц загнулась от боли. У каждой здесь своя судьба, о которой лучше и не распространяться.

Конечно, и у Пандемии в реальной жизни совсем иное имя. Нейтральное, порядочное. Не такое, как здесь. Пандемия, эпидемия, стихия. Выбрала она его, конечно, неслучайно. И отнюдь не из-за бешеного темперамента. Напротив, темперамент в данном случае – так себе. Достаточно посмотреть, как она двигается. Пластики ноль, зато фигурой бог не обидел. Фигура – о! Пандемия – это еще и бедствие. Катастрофа…

Впрочем, катастрофа случится, если она не появится вовремя на сцене. Сэмми этого очень не любит.

Вторник быстро натянула черную набедренную повязку. Две тряпочки – и ты готова к профессиональным подвигам. Она скользнула к большому зеркалу в дешевой раме, висевшему около двери на сцену. Музыкальная композиция про когти длиной в девять дюймов уже закончилась, и по трансляции загрохотали вступительные аккорды к песне "Более человек, чем человек" – группы "Белый Зомби", и взъерошив пальцами густые волосы, Вторник уверенно провела по губам светло-вишневой помадой, подкрасила глаза. Затем одарила зеркало недовольной гримасой и прошла на сцену. Пора и помучиться.

Девушки называли это помещение "клеткой". Площадка приблизительно двадцать на двадцать шагов, залитая ослепительным светом цветных прожекторов. Свет мог неожиданно сгуститься до фиолетового или густого красного, цвета тлеющих углей или же, наоборот, серебристо-белого. По периметру клетки – небольшие окошки, сквозь которые угадывались смутные фигуры мужчин, стоявших или сидевших в темных кабинках. Они смотрели на девушек тусклыми, ничего не выражающими глазами. Да и к чему эмоции, когда рука каждого ритмично поигрывала в собственном паху, с трудом оттягивая миг короткого удовольствия.

Вторник пантерой выскочила вперед, оттеснив других танцовщиц. Слабая вспышка внимания – невидимые зрители на мгновение сфокусировали на ней свое второе "я": новая девица! Прикрыв глаза и соблазнительно облизывая губы, перебирая пальцами пряди волос, она поворачивалась то к одному, то к другому окну, чтобы зрители могли рассмотреть ее высокую грудь,

тугой гладкий живот, мелькавшие под повязкой ягодицы. Рассмотреть и оценить. Похоже, действительно оценили.

То тут, то там сквозь мутный блеск черного стекла ей удавалось разглядеть чей-то рот в еле слышном крике; ладонь, прижатую к окну; вытаращенные глаза в момент абсолютного наслаждения. Все, как обычно. Извиваясь, она профессионально поглаживала себя, старательно изображая приближение экстаза.

Тонкие пальцы, задержавшись на кружеве бюстгальтера, дрожали. Сама невинность. Господа, я здесь случайно, я в первый раз… Она меняла роли, подстраиваясь под ритм и настроение клиентов. Закон заведения гласит: угоди каждому так, как он хочет! И она угождала.

Прямо перед ней было одно из окон. За ним маячила знакомая сутулая фигура. ФРАНЦУЗ. Он бывал в клубе два или три раза в неделю, всегда в одной и той же темной бейсбольной кепке и в темных очках. Женщинам из "клетки" он неизменно приносил один и тот же "подарок" – лист бумаги, исчирканный иностранными словами. Пандемия утверждала, что слова написаны по-французски, но никому из девушек никогда не удавалось разобрать содержания странных записок. Да, в общем, они и не пытались, было не до того: дотанцевать и домой – спать, спать, спать. В одиночестве. Правда, кто-то из новеньких еще мечтал о залетном принце. Вдруг найдется такой, весь в белом, не похожий на остальных. Придет, увидит, заберет. Впрочем, разве встречаются принцы с расстегнутыми ширинками? История об этом умалчивает.

– Все одинаковые, – фыркнула однажды Бриттани, когда Пандемия полюбопытствовала насчет Француза. – Чертов извращенец. Хочешь совет? Держись от него подальше. Не заигрывай. Такие игрушки иногда обходятся очень дорого.

Сейчас Француз находился в кабинке напротив Вторник и снова прижимал к стеклу исписанный от руки тетрадный листок.

Вторник одарила его улыбкой, похожей на презрительную усмешку. Как припечатала. Танцуя и поддразнивая, она приблизилась к его окну. Специально для тебя, малыш! Пальцы скользнули по набедренной повязке, слегка приподняв се край, затем поползли вверх, вдоль упругого живота, туда, где ее пышная грудь едва ли не выпрыгивала из тесного лифчика. Она поднесла руки к застежке бюстгальтера, будто бы расстегивая ее. И, откинув голову назад, на мгновение зажмурилась: на, получай!

Но когда вновь открыла глаза, он уже ушел.

ГЛАВА 2

За сценой в раздевалке Бриттани закончила яркий макияж и скользнула в «клетку». Ее очередь

Пандемия застегнула фланелевую юбку, влезла в бесформенный шерстяной свитер и зашнуровала разбитые кроссовки. Теперь она напоминала дамочку средних лет и среднего достатка. В таком виде проще идти по ночным улицам. Шанс, что от тебя потребуют денег или ласк, существенно снижается. Не время показывать свою красоту, да и не место.

Бросив взгляд на часы, она тихо ругнулась. Десять минут второго. А она обещала няне, что вернется никак не позже половины первого. Да где там! После телефонного разговора пришлось утрясать финансовые проблемы. Сэмми никак не хотел отдавать ту сумму, которую ей положено. Ссылался на опоздание, некачественную работу. Впрочем, можно сослаться на что угодно, если тебе не нравится человек. Пандемия Сэмми не нравилась. Почему, бог знает. Не нравилась, и все тут. Отсюда все ее беды с "коготком". А куда еще податься, когда на руках больной ребенок? И не только ребенок…

– Ну, я полетела, а то, чувствую, няни мне больше не видать, – крикнула она подругам по секс-каторге, сгребая в кучу рюкзак и куртку с капюшоном. – До встречи, девочки.

В этот момент Сэмми просунул голову в дверь. Белое облачко перхоти порхало на пол.

– Эй! Ты! – он ткнул большим пальцем в Пандемию. – К тебе клиент.

Она раздраженно вжикнула "молнией" куртки.

– Я ухожу. Извини.

– Двести баксов за десять минут.

Девицы, сидевшие на диванах, как по команде повернулись и поглядели сначала на Сэмми, а потом на Пандемию. Неслыханная сумма для убогого заведения. Да еще чтобы Сэм предложил ее той, кого терпеть не может. Такого раньше не случалось.

Пандемия быстро прикинула. Двести баксов. Несколько дней отдыха. Время только для себя и дочери. Возможность все обдумать спокойно. Принять решение. Двести баксов…

Помедлила и:

– Ладно, черт с ним! Только я позвоню няне…

И начала раздеваться.

***

В частной кабинке – чувственная темнота. Запах мускуса, пота и спермы. Запах желания. Запах страха. Всего в нескольких дюймах от мужского лица – квадратное окошко, оно запотевает, когда его смрадное дыхание пеленой ложится на грязное стекло. Там, в клетке, извивается женщина.

Это не танец, это работа. Стриптиз на заказ.

Считай до трех, Француз!

Раз – и я готова показать тебе свое тело.

Два – и звук расходящейся молнии.

Три – о! – что ты хочешь, Француз? Что ты хочешь? Скажи мне.

– Ты хочешь посмотреть на меня? – Ее пальцы ласкают грудь. – Я знаю, ты хочешь посмотреть на меня.

Он молчит.

– Скажи мне, чего ты хочешь? – шепчет женщина, и хриплый нежный голос бритвой проникает ему в мозг.

Сосуды напряжены, еще немного – и лопнут, превратившись в густое кровяное конфетти. Он точно знает – тогда станет легко, очень легко. Тогда он познает ИСТИНУ. Он познает ТАЙНУ.

Она капризно надувает губы и, точно маленькая девочка, придвигается ближе к стеклу.

– Скажи мне.

Шаг назад. Сердце глухо стучит, и каждый удар причиняет невыносимую боль. Он судорожно сглатывает комок, который медленно скатывается вниз – к пульсирующему сгустку.

Шаг вперед. Ближе, еще ближе, рука против воли скользит к паху. Может быть, сейчас это произойдет, и тогда все будет хорошо. Очень хорошо. Сейчас узнаешь…

– Я хочу видеть, как ты танцуешь. Я хочу видеть, как ты танцуешь в кровавом приливе…

– Ты хочешь увидеть меня, не правда ли? – женщина не слышит, что он говорит. Стекло надежно хранит ее безупречное тело и абсолютный слух. Пока…

Он снова дышит на стекло. Ее тело покрывается черным зловонным налетом, вспыхивает багровым светом – это распускаются цветы зла. Ее зрачки проваливаются в черные ямы глазниц, губы, разлагаясь, обнажают белые кости. Господи, только ты умеешь создать столь безупречную красоту! Этот череп совершенен.

По обожженной коже сочится кровь. Вены набухают и взрываются на запястьях огненным фонтаном. Когда она приподнимает руками грудь и чуть наклоняется вперед, – возьми меня! – позади нее, на стене, вспыхивает багровое сияние. И признаки тления отступают. На время. Теперь она снова молода и желанна.

Она танцует для него – здесь и сейчас. Это не работа. Это уже для души. Для тебя – соло. Иди ко мне!

Но мужчина более не видит и не слышит ее. Его глаза устремлены на стену позади – туда, где мутное мерцание превращается в узкий ручеек крови, стекающий на пол. Кровь целует каблуки туфель, подбираясь все выше и выше.

– Ты хочешь увидеть мое тело, – томно вздыхает она, и кровь черной струей забрызгивает голую лодыжку. – Я знаю, что оно тебе нравится. Правда?

Его дыхание учащается, руки дрожат, не в силах справиться с ритмом плоти. Получилось, почти получилось! Сделай чудо, открой тайну. Он придвигается к окну, что-то жалобно шепчет. Голос срывается от волнения, и слова исчезают в узкой темноте.

Женщина начинает двигаться все быстрее, в такт его дыханию. Она ласкает свою шею, соски, живот. Ручейки крови стекают с кончиков ее пальцев, ползут по телу, от пупка на бедра, теряясь в завитках светлых волос. Кажется, что стены дышат, содрогаясь в новых приступах боли. Кровь все течет и течет, затопляя комнату. Пустота цвета крови…

– Я знаю, тебе нравится. Не бойся, я помогу тебе. Хочешь?

…черная пелена, его руки влажны от крови, с ее волос, когда она изгибает спину и встряхивает головой, летят алые капли. Мужчина закрывает глаза и из последних сил шепчет:

– Это – смерть вторая…

Кровь продолжает течь: густой, красный водопад бурлит вокруг стройных женских ног. Наваждение исчезает. Чуда не произошло. Все по-старому.

Он смотрит на нее, его голос становится громче, Француз упирается руками в стекло…

– …и скверных, и любодеев, – бормочет он, хотя она не может его слышать.

– Я знаю, тебе нравится, – женщина наклоняет голову, опускает пушистые ресницы, пряча глаза, а затем бросает на него взгляд сквозь пелену дыма и пламени. – Я знаю, тебе нравится…

Стон. Терпеть боль невыносимо. Горячий пепел окутывает сознание. Человек бросается к стеклу, но не успевает…

Стены извергают пламя. Оно с ревом устремляется вниз в комнату, сжигая все – так, как если бы кровь была сухим трухлявым деревом; бумагой, пропитанной бензином; прядью волос

над пламенем свечи. Озеро крови густеет, замирает, а затем взрывается золотыми, черными и алыми искрами. Жар слепит глаза. Языки огня извиваются огромными щупальцами, окружая женщину, которая движется внутри. Огонь, иди за мной!

Она танцует, даже когда ее кожа трескается, закручивается и опадает, словно черная обугленная кора. Капли жира брызжут на стекло, губы деформируются. Он видит, как светлые волосы обращаются в золу, пальцы выворачиваются, будто ивовые прутья. Костяшки трещат, превращаясь в удушливый дым.

И когда смрад горящей плоти заполняет его ноздри, когда последние слова женщины, точно эхо, продолжают звучать в ушах, – он видит пламя, пожирающее комнату.

И тогда по пепельной щеке скользит слеза. Единственная.

– Я знаю, тебе это нравится.

ГЛАВА 3

Пандемия бережно сложила две стодолларовые купюры и запрятала туда, куда женщины обычно прячут самое сокровенное. Надежно не надежно, но забираться придется долго. Сто одежек и все без застежек.

Раздевалка давно опустела. Три часа ночи, Все уже разошлись. Ей вроде бы тоже нужно идти, но к чему торопиться? Сюзанна давно спит. Ключ под ковриком. Няня, устроив скандал, виртуально хлопнула дверью. Ну и пусть. Теперь у нее появился небольшой, но шанс. Есть несколько дней для того, чтобы сделать передышку. И побыть с Сузи, ребенок и так видит мамочку урывками.

Как объяснить дочери, почему они бегут из города в город, заметая за собой следы, словно воры или преступники. За последний год Сюзанна побывала уже в четырех штатах. Только они устраивались, налаживая свою непутевую жизнь, Пандемия вновь срывалась с едва насиженного места. Отели, автостоп, грязные закусочные и вонючие сортиры на автозаправках. Или прямо в кукурузном поле. Дети кукурузы..

Частенько ей приходилось расплачиваться собой, пока Сузи спала на заднем сиденьи. Больше всего на свете Пандемия боялась, что девочка проснется и увидит весь этот кошмар. Мать с покрасневшим от напряжения лицом, пыхтящего мужика. Услышит противный скрип кожаных сидений и стоны. Но Сузи крепко спала. В такие минуты она никогда не просыпалась. Маленький союзник в общей беде. Пандемия отдавалась с мстительным удовольствием. Нате! Не жалко. Получите.

На Сиэтл она рассчитывала не зря. В таком городе можно затеряться. Взять другое имя, придумать себе легенду, замести следы. Так, чтобы он никогда их не нашел. Но он всегда находил – похудевший, озлобленный, появлялся в скромной квартире. И уже через день все летело в тартарары. Соседи отворачивались, а Сюзанна снова не понимала, почему ребята, игравшие с ней вчера, сегодня шарахались от нее, как от чумы. Пандемия глотала слезы и прижимала к себе маленькое всхлипывающее тельце, не зная, как сказать – это только начало, начало конца.

Но сейчас у нее появилась надежда. Уже три месяца о нем ни слуху ни духу. Говорят, от этого умирают быстро. Очень быстро. Он и так долго держался. Может быть, теперь он оставит ее в покое. Ее и дочь. Они заслужили это. Из Сиэтла уезжать не хотелось. Этот город как никакой другой напоминал Пандемии ее родной город. Место, где она провела самые счастливые дни. Кто же знал, что первая влюбленность приведет к омуту кошмара, поселив в душе страх и вину. Кто же знал, что, после всех надежд и чаяний, вершиной карьеры окажется "Рубиновый кого-ток".

Сюда она попала случайно. Зашла и предложила свои услуги. Ей было все равно – какие. Только бы за деньги. Отчаяние обычно придает убедительность. В таком состоянии люди готовы на все. Она – тоже. Теперь она действительно готова на все. Ей нечего терять, даже Сузи. В "коготке" ее ощупали, потом отправили в "клетку". Взяли. Ей повезло, что она блондинка. Даже джентльмены предпочитают блондинок, что уж говорить о классе пониже. Единственный раз она задумалась, когда Сэмми приказал выбрать псевдоним. И тут, вспомнив все, чему ее когда-то учили, выпалила: "Пандемия". Сэмми дернулся, но ничего не сказал. Один черт!

… Пандемия глотнула холодный кофе. Поморщилась. Вытащила сигарету, но потом отложила. Взглянула на себя в зеркало. Красота быстротечна. Молодость мимолетна. Но почему-то люди ценят в женщине лишь это. А если ты к тому же еще и глупа как пробка, твоя стоимость существенно возрастает. Кому лужен ум в постели? Правильно, никому. Поэтому шлюшки вроде Тиффани или Янтарь Ли гораздо счастливее. Они востребованы. Она – нет.

В комнату заглянула уборщица. Сью Полпинты. Как всегда, навеселе. Впрочем, в ином состоянии здесь работать нельзя. Вереница кабинок, в каждой – плевки спермы, кучки фека-

лий, лужицы мочи, следы рвоты. Все что вырабатывает человеческий организм – на полу. Клиенты бывают разные, каждому, чтобы возбудиться, нужно что-то свое. Особый подход. Фирмой не возбраняется Хочешь кончить в куче дерьма – пожалуйста. Доплати – и кончай!

Сью всегда работала в ночь. Ночью, как известно, дерьма становится больше. Во всех смыслах.

***

– Э, мисс… – Сью с трудом ворочала языком. – Сэм велел всем убираться Закрываемся, мисс.

Пандемия молча поднялась, натянула куртку, взяла рюкзак.

В длинном коридоре тускло горела единственная лампочка.

Пандемия пробиралась к выходу по памяти. Прошла мимо закрытой кассы, толкнула дверь.

***

Холодный ночной ветер ударил в лицо. Дождь затарабанил по плечам, проникая сквозь хлипкий материал капюшона. Машины у Пандемии не было. Обычно она добиралась домой пешком, держа в карманах скрещенные пальцы, – только бы добраться, только бы добраться. Ввалившись домой, облегченно выдыхала. Если это произойдет, то уже не сегодня.

Она быстро пошла по переулку, свернула на ближайшую улицу, не заметив, как следом почти бесшумно двинулась машина. "Седан".

Через двадцать минут, когда Пандемия совсем продрогла, машина затормозила около нее.

Дверца приоткрылась:

– Подвезти?

Пандемия колебалась. Водитель не внушал особого доверия. Да и машина на безлюдной улице… Но ведь не убьет же он ее в конце концов!

Так хотелось поскорее очутиться дома, забраться в постель и прижаться к Сузи. И не шевелиться до самого утра, А утром обрадовать дочку приятной новостью: несколько дней они будут вместе. Парк аттракционов, сахарная вата, поп-корн и мягкая игрушка. Все, как и раньше.

Она села, прижав к себе старый рюкзак.

"Седан" мягко тронулся. В салоне играла музыка, пахло лекарствами. Пандемия назвала адрес и блаженно откинулась на спинку кресла. Закрыла глаза. Музыка убаюкивала, и она задремала. Память услужливо преподнесла любимую картинку – день совершеннолетия. Улыбающийся отец. Жемчужное колье на шее – родительский подарок. И ее звенящий от радости голос: "Я выхожу замуж!"

Колье вдруг стало жечь кожу, превратившись в раскаленный прут. Воздух куда-то исчез, и она, задыхаясь, проснулась.

– Приехали.

Ее дом. Господи, вот она и дома. Если это произойдет, то уже не сегодня. Расплатившись, грациозно выскользнула из машины и быстро подошла к входной двери. Набрала код. Легкое движение, и светлые волосы исчезли в проеме. Хлопок. Тишина.

Водитель, не отрываясь, смотрел на цифровую панель. Губы беззвучно шевелились, запоминая код.

– Я знаю, что ты хочешь…

ГЛАВА 4

Если утро началось хорошо, это вовсе не означает, что день обещает быть прекрасным, не говоря уже о вечере. Любое сражение можно выиграть или проиграть за полчаса. Что уж тут говорить о сутках. С вечера лучше ничего не планировать, утро все равно внесет свои коррективы. И, как гласит закон Мэрфи, если неприятность должна случиться, то она случается, невзирая па планы.

Фрэнк Блэк усвоил данную истину еще с детства. Хорошего никогда много не бывает, плохого – напротив, хоть отбавляй. Впрочем, сегодня он надеялся на маленькое, но исключение. Может быть, на приподнятое настроение в первую очередь повлияла погода. Вместо привычного дождя и тумана над городом сияло заспанное солнце. В воздухе пахло весной.

Фрэнк вел красный "чероки" по восточному склону холма, жмурясь от солнечных зайчиков. Светлые пятна касались приборной панели, прыгали по стеклу, а затем исчезали в рыжих кудряшках его дочери, шестилетней Джордан.

– Мне кажется, что кто-то подглядывает, – Фрэнк усмехнулся, глядя на сидевшую рядом жену.

Джордан, примостившись на коленях у матери, залилась счастливым смехом. Она удерживала своими ладошками ее руки, и без того плотно прижатые к лицу:

– Мама, не подглядывай! Только не подглядывай! Так нечестно!

Кэтрин, не отнимая ладоней с лица, улыбнулась в ответ и покачала головой:

– Хорошо. Не буду. Скажешь мне, когда будет пора, Джордан.

Фрэнк едва не прозевал нужный поворот. Сбросив скорость, свернул, проехав под яблонями, которые с приходом весны должны были одеться листвой и поразить своих хозяев пышным цветом. Машина оказалась на широкой боковой улице. Один из самых лучших районов Сиэтла.

Опрятные одноэтажные домики и деревянные коттеджи в готическом стиле напоминали детские игрушки, разбросанные чьей-то шаловливой рукой посреди ухоженных лужаек. Лужайки напоминали знаменитый английский газон. Домики окружали аккуратные живые изгороди и палисадники с засохшими прошлогодними подсолнухами. Мальчик, ехавший по обочине на велосипеде, с любопытством обернулся, чтобы поглазеть на "чероки", столь редкий в этих краях. Здесь не любили машины, предпочитая тишину и чистый воздух.

Сейчас Фрэнк чувствовал себя режиссером блестящего импровизированного спектакля – спектакля, в котором с восторгом принимали участие самые близкие ему люди. Он остановил машину на краю тротуара, позади мебельного фургона Обернулся к Джордан.

Дочь – копия матери! Рыжие кудри. Улыбка Щербинка между зубами. Глаза. Хорошо, что дочь похожа на Кэтрин, а не на него. Но если дочери в наследство достанется его дар, Фрэнк этого точно не перенесет.

При мысли о прошлом его захлестнула очередная волна беспокойства, не отпускавшая в течение переезда через всю страну из округа Колумбия. Долгое, почти бесконечное путешествие. Липкое беспокойство переросло в новый приступ страха. Приступы возникали теперь часто. Он старался скрывать тревогу от жены, но иногда воспоминания были сильнее разума. Память магнитом притягивала к себе кошмар, от которого Фрэнк последние годы пытался избавиться. Иногда ему казалось что все удалось, что все было сном, который ему удалось наконец-то выжечь из сердца и души. Остался багровый рубец. Но теперь все позади. Здесь был их новый дом, новая жизнь…

– Папа? – голос Джордан вывел Блэка из состояния задумчивости.

Не в силах сдержать радостного нетерпения, дочь ерзала на коленях у Кэтрин.

– Пора? Папа, правда уже можно? Фрэнк рассмеялся и кивнул:

– Можно.

– Пора, мама! – закричала Джордан, наклоняясь вперед и стуча ладошкой по стеклу. – Теперь можешь посмотреть!

Кэтрин неуверенно отняла руки от лица и с опаской выглянула из "чероки".

Какое-то мгновение Фрэнк смотрел на нее с тревогой. Неужели не понравится? Но Кэтрин развеяла сомнения мужа, восторженно воскликнув:

– О, Фрэнк! Ты уже покрасил его*1* И когда она выбралась из машины и пошла по дорожке к дому, а следом за ней вприпрыжку помчалась Джордан, он понял, что теперь наконец-то все будет хорошо. Так должно быть.

– Это наш новый дом, папа? – восторженно вопила Джордан. – Это он?

Фрэнк захлопнул дверь "чероки" и взглянул на своих домашних. Те пребывали в эйфории.

– Да, это наш новый дом.

На изумрудной подстриженной лужайке возвышался солнечно-желтый коттедж с белоснежными наличниками. Граненые стекла окон второго этажа, точно хрустальные призмы, искрились в лучах утреннего солнца. На крыльце висело несколько ярких фуксий в плетеных корзинах – подарок от риэлтера.

Кэтрин взволнованно оглядела все это великолепие, а затем медленно, как во сне, пошла к веранде. Джордан схватила отца за руку, и они последовали за ней.

Внутри дома грузчики уже расставили самую тяжелую мебель, создав некое подобие домашнего уюта: диван, мягкие кресла, кресло-качалка Джордан в гостиной, плетеный журнальный столик, торшеры, стулья. Повсюду – бесчисленные коробки, узлы, тюки, обрывки оберточной бумаги.

– Боже мой! Какой беспорядок! Нажили мы имущества…

– Какой замечательный беспорядок! А без имущества нам сейчас никуда, – мягко поправила Кэтрин.

Фрэнк прислонился к косяку двери, пытаясь понять, чем же таким они были набиты. Книгами? Посудой? Коллекцией конструкторов "Лего", которые так любит собирать Джордан? Что ж, за эти годы, абсолютно не страдая вещизмом, они умудрились собрать большой багаж, где всего было в равных пропорциях: вещей, воспоминаний, опыта, горечи и радости. Багаж для одной дружной семьи.

В нескольких шагах от него возвышалась старинная викторианская вешалка, рядом с ней – зеркало от туалетного столика Джордан. Он увидел свое отражение, заключенное в розово-желтую рамку: высокий, худощавый мужчина, темные волосы тронуты сединой, глубоко посаженные глаза смотрят серьезно, хотя и не без иронии; глубокие борозды морщин у рта и вокруг глаз. Он редко смеялся, только в кругу родных. Однако и без приветливой располагающей улыбки его лицо внушало доверие. Правда, близкий друг Фрэнка по ФБР как-то раз язвительно заметил, что мистер Блэк мог бы выступать в качестве дублера архангела Гавриила: такая физиономия хороша только для того, чтобы приносить дурные вести из небесной канцелярии. Фрэнк не обиделся – они оба осознавали справедливость этих слов: по характеру своей работы Фрэнку и в самом деле приходилось постоянно иметь дело исключительно с плохими новостями. Хорошие в их отделе большая редкость.

– Ой, папа, вот они!

Дочь пронеслась мимо, словно юркая рыжая комета, визжа от восторга. Ей так нравился переезд и последовавшее за ним новоселье. Все очень интересно и необычно. Кусок новой жизни, который хотелось попробовать сразу. Теперь Джордан заметила коробку, на которой было написано ее имя, и начала доставать оттуда плюшевых зверей. Кукол Джордан не любила. Только мягкие игрушки и конструктор. Современный ребенок. Правда, в последнее время девочка упорно садилась за отцовский компьютер и рисовала на экране замечательные кар-

тинки. С одной стороны, Фрэнк приветствовал инициативу дочери, но с другой… Он боялся, что Джордан случайно откроет одну из папок… А вот там уже собраны картинки не для впечатлительных детских глаз.

– Папа! Смотри! Кошка! – Джордан достала из коробки серого плюшевого кота и помахала игрушкой, – Разве не знаешь, на новоселье принято пускать в новый дом кошку! Для счастья!

– Джордан, ты же не любишь кошек.

– Папа, но так положено.

– Знаешь, малышка, давай немного изменим эту традицию… – и вкрадчиво нейтрализовал огорчение дочери, – пустим не кошку, а щенка!

Девчушка вновь завизжала от радости, бросившись на шею отца. Джордан давно мечтала о собаке, но в прежней квартире – тесной и неудобной – они не могли себе этого позволить. Теперь же, после того как у семьи Блэк появился новый дом, мечта, похоже, начала воплощаться в жизнь.

– Только у меня к тебе, дочка, предложение. Давай пока не будем говорить маме о собаке. Пусть будет сюрприз. Подумай, какую породу ты бы хотела.

С видом заговорщика Джордан подмигнула отцу и направилась к коробке с ее книгами. Где-то на дне должен был находиться собачий атлас. Фрэнк деликатно отошел в сторону – в такие минуты Джордан лучше не мешать.

Грузчики снова прошли через комнату, на сей раз они тащили обеденный стол. Их колоритный вид, запах пива и жвачки неожиданно вдохновили и его на работу. Фрэнк поднял одну из коробок и уже был готов последовать за ними на кухню, но тут прозвенел напряженный голос Кэтрин:

– Фрэнк! Не мог бы ты подойти сюда?

Интонация жены заставила сердце Фрэнка тревожно забиться. Он поднял голову и увидел Кэтрин на лестничной площадке второго этажа. Выражение лица у нес очень странное – испуганное, довольное и одновременно сердитое.

– Здесь кое-что есть.

Он буквально отшвырнул коробку. Ступеньки гулко отозвались, прогибаясь под тяжестью шагов.

– Кэтрин? – постарался, чтобы голос оставался спокойным.

Что там могло такого быть, чтобы Кэтрин испугалась?

Нет ответа.

– Кэтрин?!

Блэк нахмурился и быстро зашагал по коридору. Только увидев Кэтрин в дверях спальни, он успокоился. Страх на время исчез, затаившись где-то на дне души.

– Что случилось? – мягко спросил он.

Кэтрин ничего не ответила, обвила шею мужа смуглыми руками, притянула к себе и страстно поцеловала. Тепло родного женского тела, любимый запах духов, ее руки у него на плечах – близость, как биение собственного сердца. Они постояли так, обнявшись. Затем Фрэнк чуть отклонился назад – ровно настолько, чтобы взглянуть в ее зеленые кошачьи глаза и увидеть в них то, что хотел увидеть.

– Я так счастлива сейчас, – прошептала она. В глазах блеснули слезы. – Думаю, мы поступили правильно, переехав сюда. Я действительно так думаю, Фрэнк Мы начнем все сначала.

Он кивнул, физически ощущая, как утихает тревога и пульс выравнивается:

– Я тоже так думаю Здесь я чувствую себя дома.

Снаружи раздался слабый глухой удар и знакомый стрекочущий звук. Они синхронно обернулись к окну.

Тот же самый парень, которого Фрэнк видел раньше, со свистом промчался мимо на велосипеде. В руке он сжимал свернутую газету, которая предназначалась уже следующему крыльцу. Они следили за велосипедистом, пока тот не скрылся из виду, а затем рассмеялись: настолько эта картина была обыденной и знакомой. Маленькие кусочки мозаики, составляющей личное счастье.

Иногда хочется, чтобы мгновение действительно остановилось. Хочется нажать на кнопку "Пауза" и в полной мере насладиться радостью и покоем. Увы, ученые пока не придумали, как хранить наши лучшие воспоминания – в засушенном, виртуальном или каком-нибудь ином виде.

Фрэнк усмехнулся:

– Ущипни меня.

Что она и сделала – чуть пониже спины, а потом резко притянула к себе. Они снова поцеловались. Солнце слепило глаза, внизу беззаботно смеялась Джордан. И Фрэнк, будто заклинание, прошептал:

– Дома. Я чувствую себя здесь дома.

ГЛАВА 5

…Было далеко за полдень, когда он наконец-то спустился за утренней газетой.

Счастливые часов не наблюдают, тем более в момент новоселья. К середине дня погода испортилась. Солнце скрылось за холмом, длинные тени поползли по насупившимся деревьям, в воздухе снова повеяло ледяной зимой. Фрэнк подобрал газету и собирался уже было вернуться в дом, когда с соседней лужайки его кто-то окликнул:

– Эй, привет!

Он увидел лысоватого мужчину лет шестидесяти, машущего ему точно такой же газетой. Приятное лицо, мягкие, дружелюбные черты лица, брюшко, обтянутое ярко-красным кардиганом. Типичный американец среднего достатка.

– Привет, я – Джек Мередит! – представился типичный американец среднего достатка, пересекая лужайку и лучезарно демонстрируя Фрэнку последние достижения национальной стоматологии. – Полагаю, мы теперь соседи?

– Добрый день. Я – Фрэнк Блэк.

Мужчина цепко ухватил его руку и затряс в продолжительном приветствии. Ладонь была теплой и влажной, и Фрэнк с трудом сдержался, чтобы не отпрянуть. Он вообще не любил незнакомых людей. Не доверял и всегда проверял. Один из принципов собственной безопасности и безопасности своих близких. Слишком дорогим впоследствии могло оказаться любое случайное знакомство. Случаи бывали. У других. Но в отличие от других Фрэнк предпочитал учиться на чужих ошибках.

Наконец Джек Мередит счел церемонию знакомства исчерпанной. Он небрежно сунул газету под мышку и качнулся на стоптанных каблуках.

– Так. Фрэнк. Откуда вы?

На мгновение Фрэнком опять овладело дурное предчувствие, почти легкая тошнота. Усилием воли он подавил его. Вполне понятное любопытство, не так ли? С соседями полагается если не дружить, то, по крайней мере, находиться в приятельских отношениях.

– Последние десять лет мы жили в Вашингтоне, округ Колумбия, – сухо ответил он. – Но родом мы отсюда, из Сиэтла. И я и моя жена.

Джек Мередит, как бы понимающе, кивнул:

– Неужели?! Вот ведь! И что заставило вас вернуться?

– Просто захотелось домой. Пустить здесь глубокие корни, так сказать.

– Конечно же. И это правильно. Корни нужно пускать только на родине, тогда и урожай окажется немалым…

Мередит выдержал паузу, пробуя на вкус собственную сентенцию. Вкус, похоже, оказался неплохим. Но Мередита все же интересовало явно что-то иное. Он задержал оценивающий взгляд на Фрэнке несколько дольше, чем нужно.

– А чем вы занимаетесь, Фрэнк?

– Занимался. Неважно. Я собираюсь менять профессию.

Брови жизнерадостного соседа вспорхнули вверх, словно две ощипанные галки:

– Неужели?! Пристроиться по уму сегодня нелегко, особенно в Сиэтле. Жизнь дорожает, безработица растет. Беда! А вы уже что-нибудь подыскали?

Фрэнк пристально посмотрел на нового знакомого и вдруг улыбнулся.

– Я работаю консультантом.

– Неужели?! – очередное "неужели" у Мередита получилось благосклонно. Похоже, отвлеченный "консультант" соответствовал представлениям типичного американца среднего достатка о благонадежности и состоятельности. – Что ж, можем ли мы пригласить вас с семьей на обед на этой неделе? Я вижу, у вас маленькая дочь…

Чудеса проницательности! На ярко-желтом крыльце успели расположиться велосипед Джордан по имени "Большие Колеса", огромный игрушечный грузовик и разноцветный мяч.

– Спасибо. Я передам приглашение моей жене.

– Обязательно передайте. Мы будем ждать! – торжественно произнес Мередит, ему не терпелось поделиться полученной информацией с женой.

Миссис Мередит маячила в окне, сгорая от любопытства. Еще бы, такое событие в узком мирке!

Фрэнк направился к дому, а голос новоявленного соседа продолжал назойливым шмелем гудеть вослед:

– Эй, Фрэнк! Вы не могли выбрать более красивого места, чтобы вернуться.

Фрэнк небрежно кивнул, не оборачиваясь, и на ходу развернул газету, которую до того бессмысленно теребил в руках. Пришла пора осмысленности, мистер типичный американец среднего достатка, – ваш новый сосед очарован знакомством с вами, но вашему новому соседу хотелось бы ознакомиться с новостями, а не только служить вам в качестве оной. В смысле новости.

Итак, полистаем. Политика, экономика, новости светской жизни, криминал.

И тут он остановился, как споткнулся.

Аршинными буквами на полосе:

МАТЬ НАЙДЕНА МЕРТВОЙ В ДОМЕ.

ПЯТИЛЕТНЕЙ ДОЧЕРИ УДАЛОСЬ СПРЯТАТЬСЯ ОТ УБИЙЦЫ.

Ниже – фотография безмятежной молодой красивой длинноволосой блондинки. Жертва…

– Фрэнк? – входная дверь слегка скрипнула. – Фрэнк, с кем ты там сейчас разговаривал? – полюбопытствовала Кэтрин, но… осеклась.

Лицо Фрэнка, ее мужа, четверть часа назад столь умиротворенное… оно напряглось, глаза бездонные, обращенные внутрь. Он смотрел на нее, но мимо нее. Не видя.

– О чем ты думаешь, Фрэнк?!

Он не думает. Он пытается избавиться от навязчивой мысли, оккупировавшей мозг и мешающей трезво думать – с чувством, с толком, с расстановкой. Мысль: "Это никогда не кончится! Это никогда не кончится! Это никогда, никогда не кончится!" Он тщетно пытается избавиться…

ГЛАВА 6

Ранним утром следующего дня Фрэнк стоял у здания социальных служб Сиэтла.

Дождь клубился вокруг, точно дым. В тяжелом, серо-стальном воздухе мельтешили зонты и плащи.

Блэк напоминал старого вояку, вернувшегося домой, туда, где его уже никто не ждал. При виде знакомого бетонного сооружения нахлынули странные чувства: тревога, неприязнь, воспоминание о бесчисленных бессонных ночах с привкусом плохого кофе и еще более отвратительных снах. Странный коктейль, от которого мгновенно пьянеешь, но не получаешь никакого удовольствия.

Ладно, довольно воспоминаний. Или, по крайней мере, пора их обновить. Сложил зонт, вошел.

Он пробирался сквозь толпы спешащих на работу людей – социальных работников, офицеров в форме, нетерпеливых адвокатов в мантиях, зевающих административных служащих. Ничего не изменилось. Все тот же неистребимый общий затхлый душок, но и запах озона от работающих лазерных принтеров, но и ароматы из кафе для служащих на первом этаже. Все тот же будничный вид людей, идущих на работу, и горький повседневный феномен – мужчины и женщины с профессиональным спокойствием спешат навстречу кризисам, ужасам и горю.

На третьем этаже также все осталось неизменным. Бесконечные ряды маленьких отсеков, кабинок, в каждой из которых мерцал монитор. Служащие, стар и млад, чье нервное напряжение неожиданно сменяется циничным смехом. Потрескивание портативных офицерских раций.

Фрэнк шагал мимо, не обращая внимания на откровенные любопытные взгляды. Он слишком выделялся из серой толпы. Изредка он останавливался, хмуря брови и разглядывая таблички на дверях, пока не нашел то, что искал.

Табличка: "Лейтенант Роберт Блетчер. Отдел убийства.

Фрэнк помедлил, словно еще оставалась возможность поскорее убраться отсюда. Навсегда. Но секундная пауза не значила ровным счетом ничего. Решение он принял еще вчера, а свои решения Фрэнк Блэк не менял. Вперед и только вперед!

Высокий и весомый человек в пристойном сером костюме и ядовито-желтом галстуке сидел за письменным столом. (Ну, привет, Боб!) В кабинете – еще трое. Детективы. Молодые, да ранние. Таланты, одним словом. Один из них с выражением зачитывал компьютерную распечатку. Остальные слушали, изредка позевывая. Рутина.

– По делу один-шесть пока ничего. Возможно, понадобится минимум еще несколько часов, чтобы…

– Передай, что у них есть максимум час. Ну два… – проруководил по касательной лейтенант Блетчер. Впрочем, без особого энтузиазма. Рутина… – И вызови этого парня…

Он, лейтенант Блэтчер, чуть не икнул, прервав фразу. "Вызови этого парня…" – отнюдь не относилось к парню, который нежданно-негаданно предстал перед ним. И то не парень, то призрак – в дверном проеме стоял призрак. И призрак, как две капли воды, – старица Фрэнк! Дружище Фрэнк! Срань господня, Фрэнк!

– Не верю! – жалобно и по-детски воскликнул старший лейтенант из отдела убийств. Слабая улыбка тронула губы Фрэнка.

– Ну, привет, Боб! Правильно делаешь, что не веришь. Как был сугубым материалистом, так им и остался. Но тем не менее это я.

Троица молодых, да ранних детективов синхронно повернулась к Блэку.

М-да, тут действительно было на что посмотреть. Вечно невозмутимый суровый начальник в стремительном па пересек комнату, схватив Фрэнка за полу пиджака. Удивленно-радост-

ная гримаса вечно (а точнее – ранее) невозмутимого сурового начальника – лицо восторженного идиота. Не в силах сдержать бурю эмоций, Блетчер полез обниматься, смахнув со стола стеклянную пепельницу. Грохот и звон разбитого стекла. Какие, право, пустяки! Старший лейтенант занят гораздо более важным – он убеждается, что перед ним не фантом, а живой человек. И не просто человек, но друг, который исчез из его жизни вот уже сколько лет тому назад и при весьма неоднозначных обстоятельствах. А вы ему, старшему лейтенанту, про какую-то пепельницу, прах и пепел ее побери! Отстаньте! Он… э-э… производит идентификацию личности, личности Фрэнка Блэка. Органолептически. Сия метода в корне разнится с классической методой идентификации личности, но… у каждого своя метода. У старшего лейтенанта – своя. По отношению к старине Фрэнку – именно такая…

– Бог мой! Что ты здесь делаешь, Фрэнк?

– Ну, я не бог все-таки, не твой бог. А в данный момент я разговариваю с тобой.

Фрэнк позволил Блетчеру увлечь себя на середину комнаты, где не было хрупких предметов. Боб всегда славился неуклюжестью, в минуты волнения резко возрастающей. В управлении об этом знали: каждый начальник перед тем, как вызвать Блетчера к себе в кабинет, предусмотрительно убирал со столов и подоконников все ценное и бьющееся.

– Мы вернулись в Сиэтл, Боб.

– Ты и Кэтрин?

– Ага. И дочь. Джордан… Соскучились по здешней погоде. Чем славен Сиэтл? Полгода – плохая погода, полгода – совсем никуда. Это нам сейчас необходимо. Врачи рекомендуют.

Торжественно водрузив мощную ручищу на плечо Фрэнка, Блетчер обратился к присутствующим. Ни дать ни взять – представитель крупной корпорации на презентации нового проекта!

– Парни, это Фрэнк Блэк. Он работал здесь, в отделе убийств, до того, как стал легендой ФБР. Фрэнк, это Боб Гибелхауз, Пит Нортон, Роджер Камм.

Гип-гип! Ура!.. Приглушенный хор приветствий.

Один из детективов (Гибелхауз? так, кажется?) перегнулся через стол, щурясь и пристально разглядывая Фрэнка. Не каждый день увидишь ходячую легенду ФБР!

– Послушайте, вы и есть тот парень, поймавший того парня?! Ну, маньяка! Который жрал своих жертв. Как там его звали?

Лицо Фрэнка превратилось в белую маску.

– Леон Коул Пиггетт.

– Точно! – Гибелхауз прищелкнул пальцами. – Слушайте, мне всегда было любопытно: а как он их ел?

Борозды морщин у рта Фрэнка стали еще резче.

– Жарил на сковороде, – ответил он непроницаемо, – с картошкой и луком.

Гибелхаус фыркнул от неподдельного отвращения.

– Черт побери! – воскликнул он, приглашая коллег-детективов разделить с ним неподдельное отвращение. – Вы можете в это поверить?!

Коллеги-детективы готовы были поверить. Мальчишки… Ранние, да. Но все-таки пока молодые.

– У тебя найдется минутка? Для меня? – приятельски, но и субординационно осведомился Фрэнк у Блетчера.

– О чем речь, дружище?! Само собой!

Они вышли из кабинета, оставив молодняк делиться мнениями относительно нового рецепта "картошка по-каннибальски".

– Как работа? – приятельски, но и субординационно осведомился Фрэнк у Блетчера. Тон – по инерции.

– Нормально. Количество убийств рекордно низкое, – изрек Блетчер не без самодовольства. – Всего тридцать четыре за год. О-о, конечно, само по себе каждое убийство – это кошмар. Но всего тридцать четыре за год – это нормальный кошмар, хороший кошмар.

– Поздравляю, хотя и кощунственно звучит.

– Спасибо, хотя и звучит не менее кощунственно.

Поравнявшись с группой других сотрудников, Блетчер замысловато махнул рукой в приветствии.

– Я бы поставил это в заслугу исключительно себе, но справедливость превыше всего. Суть в том, что у нас в спасательной группе работают чертовски хорошие врачи.

Фрэнк позволил себе иронически усмехнуться. Прекрасный способ борьбы с убийствами, ничего не скажешь! Ну да не суди – и не судим будешь. Медикам Сиэтла подчас действительно удавалось невозможное. Фрэнк сам не единожды наблюдал, как они вытаскивали людей с того света. Так что, возможно, Блетчер и прав, в других управлениях и того нет. Кадровая текучка, господа!

Они прошли до конца коридора и свернули в другое крыло, безлюдное. Кабинеты и люди здесь встречались в значительно меньшем количестве.

Постоим у окна? Покурим? Постоим, по-ОКаем? Хотя насчет ОК, то бишь пресловутого "о'кэй!", – как ни верти в этих стенах, сомнительно. По определению.

– Что насчет женщины, убитой два дня назад? Той, с маленькой девочкой? – как бы для завязки разговора спросил Блэк. О чем же беседовать двум старинным не просто друзьям, но и коллегам по работе? О работе, разумеется!

– А, в прессе прочел?

– В прессе.

– Стриптизерша, – как бы о неважном бросил Блетчер. – Трудилась в пин-шоу… если это можно назвать трудом. Хотя. Как там в Библии? В поте лица своего будешь есть хлеб свой. Тогда – да. Тяжелый и вредный труд. Что-что, а семь потов при деятельности подобного рода сойдет, пока не… Хоть отжимай! И с нее, и с этих… подсматривающих. И не только пот. Гм! Вероятно, кому-то из этих… подсматривающих в окошко захотелось кое-чего большего, чем просто подсмотреть. Все-то им дай потрогать, пощупать, поковырять! Онанисты ублюдочные!

Фрэнк подчеркнуто скучающе разглядывал скучный пейзажик за окном.

– Вы кое-что скрыли от прессы, не так ли? – сказал он наконец.

Блетчер вздохнул, бросив исподлобья мрачный взгляд.

– И сознательно скрыли, между прочим. Это было премерзко. И жестоко. В городе могла бы начаться паника. Сам знаешь, как обегано бывает. Шумиха на телевидении, в газетах, обвинение полиции и прочее. Мы не хотим огласки. Она помешает поиску убийцы. Все осложняется тем, что на первый взгляд убийство абсолютно безмотивное.

– А что с девочкой?

– Находится под опекой социальных служб. Тут свои проблемы. Девочка больна.

– Она видела, как все произошло?

– Нет, не видела. Но слышала. Такое из памяти не вычеркнуть. Ее нашли рядом с телом матери. Сейчас с ребенком работают лучшие психологи, по, похоже, все безнадежно. Она в шоке… Фрэнк?

– Да, Боб?

– Фрэнк?

– Слушаю тебя, слушаю.

– Да нет, это теперь я тебя слушаю. Давай начистоту. Ты же явился сюда к нам не затем, чтобы высмолить сигаретку со стариной Бобом и потрепаться о том о сем? Фрэнк?

– Вы дьявольски проницательны, лейтенант Блетчер! От вас ничего не скроешь!

– Перестань, Фрэнк. Твоя ирония неуместна.

– Уж какая тут ирония!

– Короче! Ты что, ищешь работу, Фрэнк?

Фрэнк Блэк отсутствующе глядел мимо старины Боба, за его спину. Там, напротив окна, аккурат над последней по коридору дверью светилось в красном плафончике: "ВЫХОД". Запасной, надо понимать, аварийный. Или – единственно верный выход: влезть в это во все, как встарь, и…

Понимай в меру благоприобретенной испорченности. Или в меру все-таки сохранившейся неиспорченности. Всего один шаг, и ты уже вне игры. Впрочем, пока тебя, мистер Блэк, в эту игру еще не приняли. За то время, пока ты, мистер Блэк, обитал в Вашингтоне, правила изменились. И не в лучшую сторону изменились.

– Преступления на сексуальной почве. То, чем я занимался десять лет, Боб.

– И то, что стало причиной твоей преждевременной отставки. Не так ли, Фрэнк? Отставки… – угрюмо уточнил Блетчер.

– Добровольной отставки! – угрюмо уточнил Блэк. – Не так ли, Боб? Добровольной…

– А теперь, значит, заскучал и созрел для…

– Я не скучал. Но созрел, да. Считай, созрел. Впрочем, считай как угодно.

– Гм-гм… И вот ты здесь.

– И вот я здесь.

– И… чего же ты от меня ждешь?

– Уж не жду от Боба ничего я…

– Фрэнк!

– Ну ладно. Но я действительно ничего сверхъестественного не жду от тебя. И не требую.

– Договорились! Насчет сверхъестественного договорились. Уже проще. Так, и что насчет естественного!

– По-моему, нет ничего естественнее, чем твое согласие на то, чтобы я для начала осмотрел тело жертвы. А по-твоему? Иначе?

– Гм-гм… Да как тебе сказать…

– Так и скажи. Однозначно. Да? Нет?

Легко сказать: скажи! Нелегко сказать, – что "да", что "нет"! Однозначно – это вечное состояние души зашоренных придурков, мнящих себя вождями. Жизнь богаче наших представлений о ней. Все неоднозначно в этом лучшем из миров.

– Боб? Ну и? Да? Нет?

– А! Пошли!

***

За годы службы в ФБР Фрэнк Блзк не раз слышал, как морги называли то склепами, то скотобойнями, то лабораториями или даже храмами, оскверненными или, наоборот, освященными смертью. Рядовой обыватель неизменно говорит о покойницких с суеверным страхом. Вполне понятно, что рано или поздно туда попадает каждый, но… Но хотелось бы попозже. Когда-нибудь потом. Отдельный ужас тому же обывателю внушают и, так сказать, приходящие морга – врачи, следователи, патологоанатомы и, увы, трупы. Впрочем, если бы не трупы, морги давно бы закрылись за ненадобностью.

Фрэнк никогда не разделял подобные эмоции. Для него морг – всего лишь налаженное бесперебойное производство, обычная фабрика, если угодно. Конвейер. Когда трупы доставляли сюда, зачастую еще теплыми, на лицах покойников без труда читалась история их смерти. У каждого – своя. Человеческую плоть скрывала изорванная и окровавленная одежда, дорогая или поношенная; на некоторых мертвецах поблескивали золотые украшения, у других, напротив, не оказывалось ничего, кроме россыпи рубиновых вшей. Жизнь относилась к ним по-раз-

ному. Смерть мгновенно уравнивала в правах и возможностях. Право одно – быть в конечном итоге погребенным. Возможность – сделать это как можно быстрее.

Каждый труп до поры до времени – непрочитанная книга, нерешенная задача, ответ на которую таится внутри спиралей ДНК, переплетений вен и артерий, внутренних органов, зубов и ногтей. Мертвецы прибывали в морг таинственными незнакомцами, защищенные загадкой смерти. Покидая его, все они выглядели одинаково – снабженные ярлычком обмытые тела, упакованные в специальные мешки. Переработанная плоть, хрящи и кости – оболочка бессмертной души.

"Просто бесперебойное производство, обычная фабрика", – привычно подумал Фрэнк, спускаясь по лестнице вслед за Блетчером.

Этот морг ничем не отличался от всех остальных. Просторная комната размером со склад, залитая бледным холодным светом флюоресцентных ламп, висевших рядами высоко над головой. Так высоко, что, когда свет достигал пола, он становился совсем слабым и слегка зеленоватым, отражаясь в мерцавших, точно искусственный лед, кафельных плитах.

Металлические столы возвышались, словно острова в арктическом море, а разбросанные между ними каталки – вроде стоящих на рейде кораблей. Экипажи тех кораблей, правда, несколько специфические… То здесь то там можно было заметить лаборанта или санитара, бесстрастно склоненного над бледным телом. В воздухе целый… м-м… букет: тухлое зловоние, запах хладагента, по более всего – сладковатое амбре бальзамирующих составов, спирта и дезинфицирующих веществ. В морге было настолько прохладно, что пар валил изо рта. Зябко содрогнувшись, Фрэнк застегнул замшевую куртку.

– Сюда! – Блетчер указал на сидящего неподалеку патологоанатома.

На том был несвежий халат в подозрительных пятнах. Очки в стальной оправе. Взъерошенные волосы. Серое от усталости и мертвого света лицо. Очкарик внимательно изучал папку с протоколами вскрытия, не обращая внимания на вновь прибывших. Вы, вновь прибывшие, пока живы? Ну и с какой стати ему обращать на вас внимание?! Он патологоанатом, знаете ли.

– Эй, Мэсси! – окликнул Блетчер. – Я Блетчер. Я звонил вам.

Патологоанатом поднял голову и приподнялся. Руки в таком месте лучше не подавать. Ограничились устным приветствием.

– Курт Мэсси, – представился он.

– Фрэнк Блэк. Мы по поводу той стриптизерши.

– Ах да. Ну да. Сейчас ее вывезут. Ну, что я могу сказать… Она так просто убийце не далась. Могу вас уверить. Сопротивлялась до конца. Несовместимая с жизнью рана нанесена тупым предметом. Но в области грудины и брюшной полости – следы от ударов, нанесенных еще до наступления смерти… Она была сильной женщиной. Кому-то пришлось сильно повозиться, чтобы сломить ее сопротивление. Причем сломить в буквальном смысле.

Раздался писк резиновых колес и скрежет металла.

Фрэнк и Блетчер одновременно обернулись – ассистент толкал стальную каталку через двойную дверь в дальнем конце комнаты.

На каталке – черный мешок.

– Убийца тоже не из слабаков. То, что он с ней сотворил… – Мэсси запнулся. Кивком подозвал помощника, и они стали разворачивать каталку вдоль стола.

Фрэнк ощутил слабый толчок в основании черепа. Сигнальчик! Сигнальчик, предшествовавший знакомой волне жара.

Волна сползла к вискам – острая, пульсирующая боль.

Затем волна запорошила глаза нагонным песком.

На мгновение он ослеп. Проморгался, сглотнул горькую слюну и замотал головой, стараясь сфокусироваться до того, как видение исчезнет.

Но не успел. Мешал чужой взгляд. Тяжелый. Немигающий.

Все же, преодолев боль, Фрэнк обнаружил, что на него уставился ассистент патологоанатома. Круглолицый человек лет тридцати, с рябой и рыхлой кожей лица, которая, казалось, вомнется внутрь, стоит только надавить пальцем. Но вот пальцем как раз надавливать и не хотелось. Из гигиенических соображений. Ассистент вызывал смешанные ощущения: брезгливость и смутное беспокойство. Фрэнк не мог понять, чего было больше. На мгновение их глаза встретились. Затем ассистент резко отвернулся, протянул Мэсси папку с подколотыми бланками и стал ждать, пока тот проставит свою подпись. Наконец Мэсси вернул ему папку, и рябой ушел.

Мэсси собрался расстегнуть молнию на мешке с телом, но Фрэнк остановил его легким, однако властным касанием запястья.

И снова толчок, резкий и болезненный. Снова жар, сквозь который он услышал…

***

…Пронзительные крики…

***

– В чем дело, Фрэнк? – нахмурился Блетчер.

…Вопли…

…Прерывающийся от страха плач ребенка…

…И другой голос, женский, переходящий от душераздирающих стонов в предсмертные хрипы. Агония…

…Треск разрезаемой ножом ткани…

…Монотонное, бессмысленное завывание, более низкое, хриплое… Мужское?..

***

Горячая волна расползлась по телу Фрэнка от основания черепа, паутиной огня разрослась под кожей и вспыхивает в глазах. В немигающих глазах, которые уставились на лампу, упавшую на пол, на беспорядочно разлетевшиеся журналы. Из-под тахты торчит лапа плюшевого медвежонка… Неестественно вывернутая вялая рука на ковре. Теплые, кровавые брызги на щеках, в уголках глаз, приторная алая паутина, затягивающая лицо.

– Он отрубил ей голову!

Слова рухнули, словно холодные камни.

Блетчер недоверчиво уставился на Фрэнка. Что ты несешь, дружище?!

Патологоанатом слегка замялся, но подтвердил:

– И голову так и не нашли.

Фрэнк облизал губы – полузабытый привкус соли и меди. На смену мощному приступу тошноты пришло ощущение… такое ощущение… Как бы объяснить? Хотя бы самому себе! Будто его вытолкнули в безвоздушное пространство. В небытие. Только отдаленный гул в ушах… Скорость, с которой душа покидает землю.

– Расположение тела, когда его обнаружили?

Мэсси отвечал невозмутимо и четко. Почти бесстрастно. Работа такая, сэр!

– Тело – на спине. Руки скрещены на груди.

Фрэнк прищурился. Если б охотничьи собаки могли щуриться, то сказать бы: он стал похож на охотничью собаку. Но охотничьи собаки не щурятся, они застывают в стойке. Тогда

– он прищурился, застыв в стойке. Не отрываясь смотрел на мешок с искалеченным, то есть обезглавленным трупом.

***

…Помещение потеряло свои очертания, превратившись в другую комнату. Комнату, где на белоснежном фоне стен пляшут багровые тени.

На мгновение воцаряется абсолютная тишина, от которой, словно струны, лопаются натянутые нервы.

Крики смолкают, как смолкает дождь в июле. Неожиданно и необратимо. Только вместо ветра и солнечного света на смену приходит звук учащенного дыхания. Откуда-то издалека слышится поспешное шарканье ног, точно убегает маленькая зверушка. Скунс? Еж? Топ-топ.

В ноздри ударяет запах металла, гари и жженой резины – опрокинутая лампа подпалила дешевый ковер

Острая боль между пальцами, причиненная чем-то холодным, липким от соленой влаги.

У его ног – спящая женщина. Навзничь…

***

Фрэнк снова проморгался: нет, не спящая. Гулко произнес:

– Вы не нашли орудие убийства. Он унес его с места преступления.

Блетчер окинул Блэка заинтересованным, но слегка неприязненным взглядом.

– Она была одета, – продолжал Фрэнк, точно во сне, – никаких следов изнасилования.

– Еще? – потребовал Блетчер.

…Она лежит на ковре. Руки сложены, словно в молитве. Светлые волосы разметались вокруг лица. Кажется, что на руках у женщины – тонкие алые перчатки, а щеки и лоб усыпаны лепестками роз. Розы, которые темнеют на глазах, превращаясь в черные застывшие капли. Запах горелого полистирола смешивается с вонью экскрементов.

Кровь. Нож.

Скрежет металла по коже и позвонкам…

***

Голос Фрэнка ломается:

– Он отрезал ей пальцы.

Мэсси шумно втянул воздух и – Блэтчеру:

– Человек-рентген, а?

Фрэнк не слышит. Он сосредоточен. Он смотрит на черный мешок с телом. Уголки рта судорожно подергиваются.

– Что дал анализ волос и тканей?

У Блетчера то ли ухмылка, то ли оскал. Дружба дружбой, но ревность ревностью. Белая зависть, черная зависть – несущественный нюанс. Без разницы. Зависть и есть зависть. Ревность и есть ревность.

– Может быть, ты сам мне расскажешь? Кажется, ты все знаешь и без нас. Фрэнк? Дай ответ! Не дает ответа.

– Ну хорошо. Если ты настаиваешь… Фрэнк не настаивает. Фрэнк безмолвствует. Правда, выжидающе безмолвствует.

– Если ты настаиваешь… Мы обнаружили два волоса. Определенно чернокожего мужчины. М-м… С головы чернокожего мужчины.

Фрэнк на мгновение прикрыл глаза, ожидая новых картинок.

Пусто.

Ну?! Ну?! Казалось, сейчас, вот сейчас!

Сейчас Фрэнк скажет еще что-то. Что-то очень важное!

Блетчер выжидал.

Но Фрэнк развернулся на каблуках и пошел прочь. Шаги гулко разносились по залу, напоминавшему оледенелую пещеру Иблиса. Стальная дверь запасного выхода захлопнулась. Блэк вышел па лестницу и стал подниматься наверх.

Патологоанатом проводил его долгим ошарашенным взглядом.

– Как он это делает?

– Не знаю… Чертов фокусник! Дэвид Копперфилд доморощенный!.. Не знаю… Простите, я за ним!

***

Блетчер побежал наверх, перескакивая через две ступеньки и задыхаясь от напряжения. Все-таки, при его комплекции…

– Фрэнк, Фрэнк! Да погоди ты!

Фрэнк ждал на верхней площадке. Лицо неестественно спокойно, точно маска, надетая в мертвецкой, намертво прилипла, став второй кожей. Защитным слоем.

– Будем… уф-ф!.. играть… уф-ф!.. в молчанку, Фрэнк? Уф-ф-ф!

– Не будем. Но ты сначала отдышись.

– Отдышался. Уф-ф…

– Еще нет. Дыши глубже, ты взволнован.

– Уф-ф!.. Вот сейчас отдышался… Ну и?

– А мои умозаключения и впрямь тебя занимают?

– Разумные – да.

– Что мы знаем о разуме, Боб!

– Пресли – велик. Доллар – лучшая валюта. Кетчуп – красный. Убийца должен сидеть за решеткой. Вот разум. Разумные умозаключения.

– Красный не только кетчуп, Боб. Кровь – тоже… А убийца должен сидеть, но пока гуляет, потому что не установлен. Разумно?

– Не береди душу, Фрэнк! К делу, а?

– Изволь. Я в своей практике сталкивался с чем-то подобным. И знаю, по какой схеме будет действовать убийца. Это – серийный убийца.

– Знаешь наверняка или предполагаешь?

– Предполагаю, что знаю. Лейтенант переступил с ноги на ногу, с трудом сдерживая нетерпение.

– И каковы же его дальнейшие действия?

– Снова будет убивать. Снова и снова.

– Послушай, а ты не можешь ошибиться? Ты же знаешь, в качестве кого она подвизалась… Легкая мишень. Подобные ей всегда оказываются случайными жертвами.

– Случайными, так… Боб, давай начистоту. Я сейчас разговариваю со старинным другом-приятелем, которому всецело доверяю и не без оснований рассчитываю на взаимность, в этом смысле? Или я сейчас разговариваю со старшим лейтенантом, начальником отдела, у которого просто удивительные показатели – всего тридцать четыре убийства за год, и очень не хочется портить статистику?

– Ты разговариваешь… с Робертом Блетчером.

– Хороший ответ! Исчерпывающий.

– Уж какой есть… Довольствуйся малым.

– Придется. Так вот, он, этот серийный убийца, выбрал жертву не из-за ее взаимности. Доподлинно.

– Тогда почему?

– Еще не знаю.

Блетчер поджал губы, но, прежде чем успел ответить Фрэнку, тот примирительно коснулся его руки:

– Послушай, старина. Я ведь как-никак состою в специальной консультационной группе. У наших парней огромный опыт в подобного рода делах. Они могли бы помочь. За этой жертвой будут другие.

Блетчер неожиданно вспылил:

– У меня у самого отличные ребята! Я им доверяю. Я сам подбирал команду – под себя… Это профессионалы. Знатоки своего дела.

Фрэнк промолчал. Что называется, без комментариев. Его всегда коробили речи о профессионализме и служебном долге. Как ни маскируй, а дешевый пафос все равно так и прет. Если ты натуральный профи, зачем об этом лишний раз напоминать всем окружающим. Знающий оценит, дурак не поймет. Но Блетчер, сколько они знакомы, неизменно злоупотреблял красивыми фразами, пустоватыми велеречивостями. У каждого свои недостатки. Горбатого могила исправит. Поэтому Фрэнк снова занял примирительную позицию:

– Послушай, старина. Я прекрасно знаю, что ты ас в расследовании убийств. И еще какой ас! Мы же с тобой вместе начинали, вместе работали. Помнишь? Но пойми, времена изменились. И психология преступника изменилась. Есть люди, которые специально занимаются подобными делами. Особая группа. У них свои эффективные, очень эффективные методы расследования. Если мы объединим усилия, то сможем предотвратить череду новых убийств. Если же нет – вам не справиться. И тогда появятся новые жертвы. Блетч, тут не просто убийца, который забрался в дом в поисках наживы. У него совсем иные цели, точно предсказать дальнейшие действия маньяка ты не сможешь. Не потому, что Роберт Блетчер сдал, а потому, что ты с таким еще не сталкивался.

Но Блетчер проигнорировал попытку примирения.

– У меня три детектива занимаются этим делом! Целых три! – продолжал он уже на крике. – И что я им скажу?! Извините, парни, работенка не для вас, вы только для грязной работы, а парни из особого отдела – для чистенькой! Они будут разрабатывать дурацкие теории, чертить графики и диаграммы в теплых кабинетах, а вы – соскребать мозги с асфальта и разыскивать отрезанную голову! Так, что ли?!

– Ты не прав. Мне жаль, что после долгих лет дружбы у нас – такой разговор Очень жаль. Не бывает, Боб, грязной и чистой работы. Убийство – всегда грязь. И то, что за ним тянется, – тоже грязь. Мерзость человеческих отношений, похоть, корысть, жадность и прочее. Мы не санитары, мы не подчищаем, а зачищаем. Почувствуй разницу… Этого маньяка будет очень сложно поймать. Твоим парням придется надеяться на его ошибку или просто счастливый случай. Что ж, такие примеры бывали. Но пока случай подвернется, появится новая кровь. И она, Боб, отчасти будет на твоей совести. Никогда не отвергай помощь, даже если сейчас в ней не нуждаешься, потому что второй раз тебе ее могут не предложить.

Фрэнк толкнул дверь, ведущую наружу. И, не оглядываясь, вышел.

Блетчер вослед недовольно рыкнул. Он осознавал, что вспылил не по делу, напрасно он вспылил. Но на то были объективные причины. Слишком часто приходилось мотаться по двое-трое суток, лазать по вонючим подвалам и заброшенным свалкам, беседовать с разной мразью. И добиваться того, чтобы истинный преступник сидел в тюрьме. Но столь же часто

их ставили на место. Лавры, почести и двухнедельные пляжи Майами доставались другим. Да, его ребята терпеть не могли пришлых, представителей специальных отделов, подразделений, канцелярий. Обычно чужаки приходили и начинали давать дурацкие советы, разрабатывали кучу ненужных резолюций и сбивали с толку весь отдел. После чего – исчезали. На их место приходили другие. И все начиналось сначала. Конечно, бюрократизм есть в любой структуре, но в структуре полиции – это благо лишь для преступников. Пока бумажки будут подписаны, пока выдадут ордер – птичка, тю-тю, улетит в далекие края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.